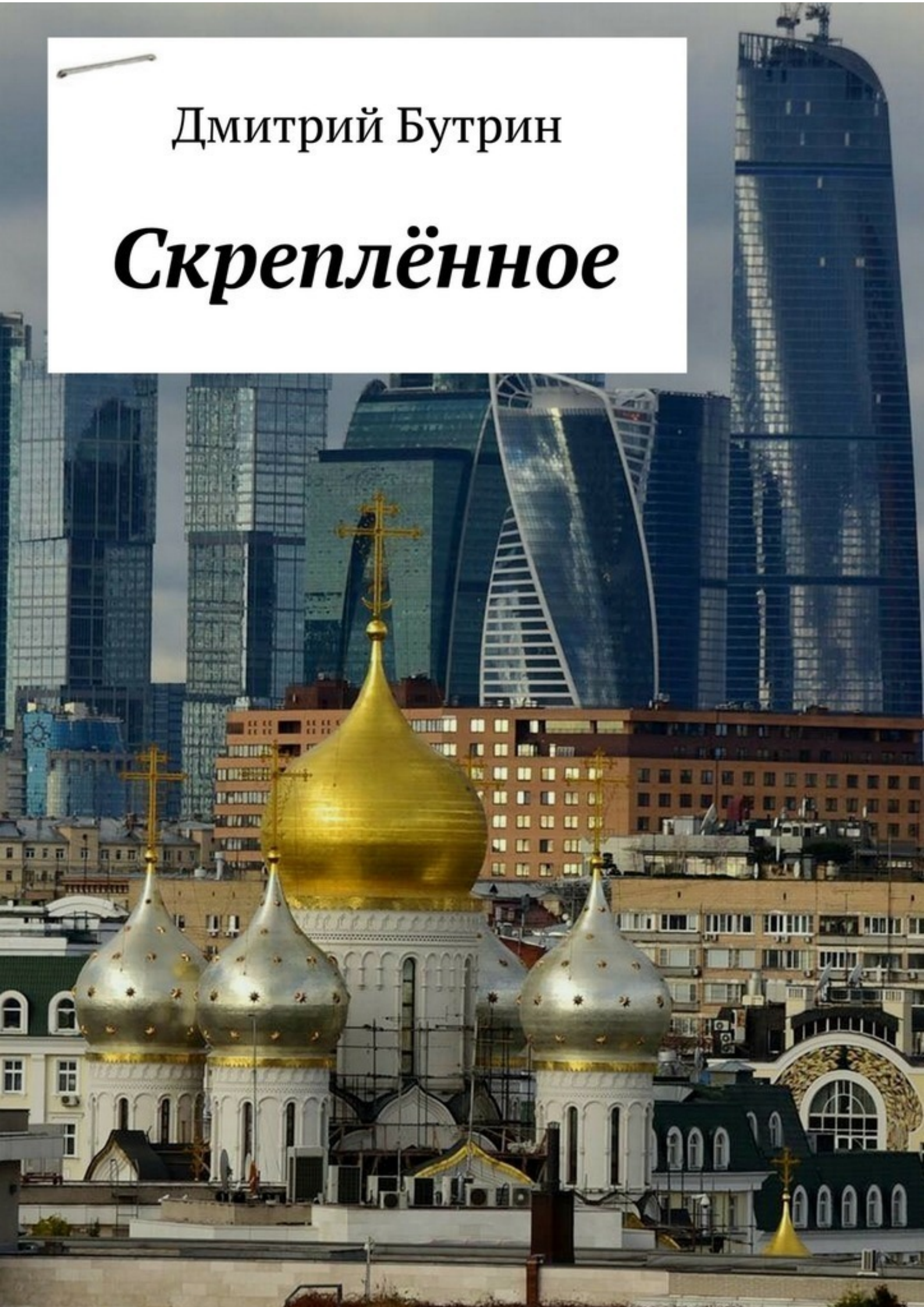

Дмитрий Бутрин

Скреплённое

Дмитрий Бутрин

Скреплённое

«Издательские решения»

Бутрин Д.

Скреплённое / Д. Бутрин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746650-3

Книга заместителя шеф-редактора издательского дома «Коммерсантъ» Дмитрия Бутрина — сборник его главных статей последних лет. Они посвящены неочевидным механизмам, связям прошлого с настоящим, которые создают нынешнее российское общество. Как кефир стал маркером границ русского мира, когда российская власть превратилась в ЖЭК, как история создания «Пиноккио» помогает побороть страх перед Сталиным. История, социология и экономика, используемые не так, как принято, — это то, что вы найдете в книге.

ISBN 978-5-44-746650-3

© Бутрин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие от автора	6
Всего метр сказочного богатства	8
Учение о диктатуре ЖЭКа	14
Трельяж	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Скреплённое

Дмитрий Бутрин

© Дмитрий Бутрин, 2016

© Антон Гердо, дизайн обложки, 2016

Правообладатель © АО «Коммерсантъ»

Над книгой работали: Виолетта Бабаянц, Анна Зиновьева, Дарья Ихно, Матвей Кардаш, Валентина Павленко, Ринат Сибаяев, Кирилл Сидоренко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книгу рекомендуют

Василий Гатов, медиа-аналитик, научный сотрудник Анненбергской школы коммуникаций и журналистики Университета Южной Калифорнии: «Есть журналистика факта, есть журналистика чувства, но есть журналистика разума – и Дмитрий Бутрин является одним из лучших представителей этого важнейшего течения в профессии. Его тексты и представленные в них аргументы всегда обращаются к знанию, здравому смыслу и критическому методу – трем важнейшим компонентам нашего разума. Его статьи – день за днем, год за годом – обороняют от наступления безумия, подлости, обскурантизма, невежества, безнравственности ту небольшую оставшуюся в российских СМИ территорию честной и моральной журналистики».

Екатерина Шульман, политолог: «Рискуя показаться Чернышевским (а также Белинским и Николаем I), у которых, если верить Набокову, „высшая похвала литератору была: дельно“, скажу, что ни красота прозы, ни широта гуманитарной эрудиции, ни приступы личной откровенности, встречающиеся в этой книге, не затмевают высокой профессиональной компетенции автора. Дмитрий Бутрин – многолетний экономический обозреватель „Коммерсанта“, он писал и пишет о бюджете, налогах, денежной и кредитной политике, о механизмах принятия решений и трансформации правил игры. Предмет его интереса и область его глубоких познаний – самая фантазмагорическая вещь в России, русская бюрократия. Именно она век за веком гипнотизирует наших лучших авторов, особенно обладающих красивым слогом, живым воображением и широтой гуманитарной эрудиции».

Предисловие от автора

Следует объяснить не только то, зачем вам все это читать, но и для чего я все это публикую. Тем более, что большинство текстов, которые вы обнаружите в книге, уже были в разное время опубликованы. Я же сам много раз сообщал самым разным собеседникам, что сборник однажды уже опубликованных текстов не может именоваться «книгой», если их присутствие под одним переплетом не создает какой-то новой мысли, которую иначе понять будет менее удобно.

Если каждый текст воспринимать как отдельную букву, то сложенные буквы должны составить какое-то осмысленное слово. В противном случае это все равно произойдет, но составит что-нибудь неприятное, например, «тщеславие», «самолюбование» или «гордыня». В общем, нехорошо выйдет.

Попробую сообщить, какое слово должно получиться в этом случае – я не настаиваю, впрочем, на том, что вышеприведенные варианты совсем не верны. Мое дело предложить, ваше дело – прочитать так, как вы считаете правильным.

В последние годы я испытываю странное удовольствие от наблюдения необычных и неочевидных связей между самыми разными явлениями в жизни общества. Род моих занятий этому более чем способствует, хотя, конечно, если бы я был шофером, санитаром «Скорой помощи» или почтальоном (то есть человеком, для которого профессиональная коммуникация с самыми разными группами в обществе – обязанность, а не удовольствие), это было бы еще более удобно. Последние 20 лет моя работа – это ежедневное и даже ежечасное чтение того, что является сырьем для производства газетных статей: я редактор и экономический журналист. Искать или, по крайней мере, предполагать связи между активностью бизнесменов чеченской диаспоры Волгограда, крупнейшей в стране, и изменением представлений московских обывателей об уровнях террористической угрозы в столице – это если не мой хлеб, то, во всяком случае, такая же часть работы, как искать или предполагать связи между динамикой ВВП России в 2015 году и объемом продаж авиационных билетов из Москвы в Европу. Большая часть этой работы остается невидимой нашим читателям: она нужна, чтобы лучше ориентироваться в новостном потоке, опережать его и знать, какие новости, для читателей неожиданные, могут появиться завтра.

Разумеется, мы никогда не можем «уйти с работы» в том смысле, в котором ежедневно покидают рабочее место с чувством выполненного долга миллионы представителей других профессий. Нет, конечно, можно поздно вечером убрать бумаги с рабочего стола, запереть дверь и выйти на улицу. Но не думать о том, чем старый удод похож на комод, совершенно невозможно. Если не придумать способ как-то работать с этими ассоциациями, разбираться с ними и классифицировать их, они в отместку начинают тебя душить. Читать книги, статьи и манифесты, имеющие отношение к экономической науке, социологии, антропологии, а затем и филологии и истории, – не прихоть, а способ умерить постоянный гул в голове или по крайней мере услышать в них какие-то обрывки ритмов, какую-то мелодию, что-то вроде закономерностей возникающих связей.

Если же и это не помогает – а оно не всегда помогает, – следует излагать то, что слышится, в отдельных текстах, что я и делаю с определенной регулярностью.

Все тексты в этой книге посвящены (как я в определенный момент с большим для себя удивлением понял) именно тому, что несколько лет назад официальными властями Российской Федерации признано главной национальной культурно-социальной ценностью. А именно – «духовным скрепам». Мне никогда бы не пришла в голову мысль всерьез говорить о «скрепах», о каких-то универсальных духовных ценностях для всего населения страны. Обычно под этим термином подразумевают в чисто пропагандистских целях набор предустановленных мораль-

ных ограничений в пользу государственного аппарата (особым образом определенный патриотизм, предписанную ностальгически окрашенную тоску по определенным видам ландшафтов и флоры – березки, горы, русское поле, некоторые подвиды шовинизма и ксенофобии) или же общекультурные ценности, успешная защита которых от врагов приписывается ответственным административным работникам. «Скрепки» этого вида вполне аналогичны ассортименту магазина скобяных изделий. Они сделаны из неокрашенной жести, пусты внутри, если у них есть это «внутри», издают гулкий звук, если их пнуть ногой, смотрятся издали гораздо лучше, чем вблизи. При этом «скрепки» массивны и могут придавить – они удивительно неустойчивы. В общем, во всей своей духовной природе этот вид «скреп» удивительно, даже оскорбительно материален.

Но есть и нечто им противоположное. Общество действительно скреплено множеством того, что ускользает от буквального описания, от формулировок, от рассмотрения в лобовую. Эти скрепки неочевидны, хотя известны почти всем, кто имеет возможность о них задуматься. Они отчетливо внеидеологичны и даже ироничны к любой идеологии, и их коллективистский дух, когда он проявляется, ближе к добровольной солидарности, чем к тоталитарному единству. Они часто имеют отношение к тому, что в культуре именуется «пафосом», но это почти всегда пафос молчания. И хотя во многом эти скрепки действительно скрепляют общество, в России очень часто отделенное от государства, с собственно идеей государства, они видны только частным взглядом.

Они не плохи и не хороши: они то, что есть. Вещество, из которого созданы именно эти скрепки, интересует меня более всего на свете. Совокупность этих невидимых конструкций и есть окружающая нас социальная реальность. Можно говорить о ней как об опасной, тревожной, прекрасной, затхлой, непонятой, обращенной в будущее, скучной, невозможной, подлежащей реформированию, архаичной, модерновой, выталкивающей в эмиграцию, обнадеживающей, убивающей, вечной, обреченной, имперской, татарской, антисоветской, советской, набившей оскомину, удивительной – она не шелохнется, ей все как с гуся вода. Но из этого вещества строится то, что простоит века и переживет все определения. Если вы хотите строить что-то подобное – возможно, мои наблюдения между делом за тем, как это все устроено, могут быть вам полезны.

Дмитрий Бутрин

Всего метр сказочного богатства

22 ноября 2014

1.

Глухая тоска по будущему действительно изъедает мир, точит его изнутри, травит и давит. Будущего нет как нет, даже помыслить о том, чем бы мы могли заняться в шесть часов вечера после войны, которой нет, но которая грядет, – никоим образом невозможно.

Хорошо украинцам – они выбрали себе из нескольких обычных возвышенных мечт наиболее великую, мечту об украинской европейской гражданской нации, и воздвигают себе республиканское дерево свободы с красной шапкой наверху, как на марках с надписями *Correas Cuba* в папином старинном альбоме, и будут ходить вокруг него в белых с маками вышиванках, и над ними жаркое хохлацкое солнце будет создавать истому, и будет там на века предперестроечный июль в жаре и зелень. Хорошо донецкому ополченцу – у него есть русский мир, сияющая стерильная пустота там, куда полетит мина из его гранатомета, около которого он колдует на корточках. Смысл этого мира в том, чтобы там было пусто и чисто, как в хирургической операционной, и бестеневые лампы, и последний обморок, и Господь с моросью пота по лбу говорит ассистентам сверху: «Нет, теряем, пожалуй, все», – и все, тут и Русь. Даже у таджика с метлой во дворе есть будущее: он избежит туберкулеза, депортации с ограблением, пьяного московского ножа, вернется домой под Душанбе, и он построит дом, и в этом доме в холодном январе он не замерзнет в старости насмерть, как собака, как мерзли под Душанбе старики еще десять лет назад, когда отключали свет. Чеченец купит себе кондоминиум в Эмиратах, татарин станет в Москве видным инноватором и вообще почти что русским, только лучше, ингуш найдет работу в Магасе, а молдаванин в Барселоне, не говоря уже о благовещенском китайце, который просто вернется домой – не думаете же вы, что они едут в эти комариные топи выращивать помидор на таблицах Менделеева не с горя, а по указанию китайской компартии.

Всем нам в стране этой, в городе этом огромном и несуразном, самом странном городе на Земле, где никогда не угадать, что за пейзаж вон там, за углом, – почти так же тяжело, как и всему коренному населению стран «золотого миллиарда». Это ведь у остальных нет ничего, а у нас? У нас есть в тысячу раз больше того, что нужно, чтобы иметь будущее не чета этим. Но все то, что нужно этим, у нас уже есть или почти есть.

А БОЛЬШЕЕ – ТУТ У НАС РАЗБЕГАЮТСЯ ГЛАЗА: В СУЩНОСТИ, МОЖНО ПОЧТИ ВСЕ, НО НАМ НЕ К ЧЕМУ ПРИЛОЖИТЬ СВОЮ ЖАДНОСТЬ.

И остается одно, паллиативное, временное – понты. Вот трасса АЗ, по ней в направлении из Москвы в никуда на немыслимой скорости движется белый огромный такой квадратный джип, в котором сидят двое, мужчина и женщина средних лет, и играет обалденная неважная совершенно музыка, аж гусиная кожа по рукам и кожаному белому салону. Женщина молча курит, мужчина внимательно смотрит в навигатор. В навигаторе все, о чем мы говорим друг другу уже не первый год. Впереди Луганск, где просто убьют. На юг Сочи, где можно строить гостиницу у грязного моря или завод по добыванию масла из подсолнечной семечки, но тоже, скорее всего, убьют – или сам кого-нибудь убьешь. На восток нищета и тайга до самой Японии, на севере Хельсинки, что, как уже выяснили, пожив полгода в 2012-м, никак не выход, потому что тогда уж лучше в Америку, то есть на тот свет. Позади, как зимой 1941-го, Москва – считай себя панфиловцем, возвращение немыслимо, отступать некуда, потому что рубль все равно будет 200 или даже 250, что уже и неважно. Вниз – вряд ли там нефть: скорее, глина.

Остается только вверх – но джип, за который еще 15 лет назад мужчина готов был бы перегрызть глотку пятнадцати ровесникам и отказаться от пятнадцати женщин, увы, рожден ездить и летать не может. А выходить из него совершенно не хочется: холодно.

Воистину, богатому сложно вообще куда-нибудь войти. У бедных есть мечта, а нам в Москве вот уже сколько лет приходится рассказывать друг другу фальшивыми словами, как мы бедны, чтобы сделать вид, что мы не утратили лик человеческий и нам есть еще чего хотеть. Долгое время мы пробавлялись тем, что говорили: нет, этот мир несовершенен, потому что в нормальном мире все так или иначе становятся собственниками квартир. Потом мы говорили, что в нормальном мире у людей хватает денег, чтобы вырастить детей. Потом мы хотели города со столиками кафе на тротуарах и шуршания шин велосипеда по опавшей листве. Потом мы хотели увидеть Тибет и загадочные острова в океане. Сейчас мы уже по инерции мечтаем о национальном государстве и относительно честных чиновниках. Мы уже знаем: нам все давали раньше, что мы ни попросим, просто не сразу. Мы также знаем, что это было хорошо, но не совсем то. И мы точно знаем, что все, что мы захотим в будущем, дастся нам, даже и национальное государство, но оно нам по существу не нужно, раз мы так яростно убеждаем себя, что на самом деле оно нам нужно позарез.

НАМ, КОНЕЧНО, СВОЙСТВЕНЕН СТРАХ – ПОЭТОМУ НАМ НУЖНО, ЧТОБЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ.

Но и войну, как мы узнали буквально полгода назад, вполне можно пережить: мы уже смутно осознаем, что даже в армии значительная часть солдат не стреляет, а просто находится где-то там в распоряжении ставки, сидит на сидорах, ждет не пойми чего в строгости. Убивают совсем не всех – что ж говорить о кризисах! Да хоть 300 за доллар: перекрутимся, не впервой, мы уже научились, и дело не в нефти и не в Обама. Дело в том, что, хотя мы уже не так боимся войны, нам эта война по преимуществу не нужна – войны всегда ведутся за будущее, а мы не понимаем, чего теперь просить.

Ведь просить о бессмертии нам по-прежнему боязно, а все остальное уже неважно. Но давайте поторгуемся не за бессмертие.

2.

Я богаче индийского набоба, богаче графа Орлова, богаче Джобса и Абрамовича, богаче золотой рыбки. Моему богатству изумились бы три века назад все живущие. За то, чтобы быть рядом со мной, резали бы глотки и рыдали бы на коленях – дай.

У меня перед глазами – всего один метр моей книжной полки.

Соборное уложение 1649 г. Мне потребовалось бы несколько недель, чтобы внимательно прочитать в нем все, что меня интересовало последние три года, когда я купил эту книгу.

Английский альбом по китайской буддийской иконографии, куплен впрок в Лондоне несколько лет назад. От полугода до полутора сладостного лишения свободы со справочниками.

Боснийские хроники Иво Андрича. И еще примерно 15 классических текстов югославской прозы, которые следует прочитать. Порядка двух месяцев чтения.

Первый том изданной Институтом Гайдара «Кембриджской экономической истории Европы». И еще 14,7 гигабайт непереуверенных исторических серий Кембриджа на жестком диске. Это два года, которые рано или поздно придется тратить, чтобы не было мучительно больно за себя.

Монография о Епифании и Аввакуме. Два года на полке, что нехорошо.

Рассказы для детей Исаака Башевиса Зингера.

«Психология развития человека» Выготского – на перечтение, некоторые книги нуждаются в этом регулярно, как и большинству людей это необходимо.

Третий том практического курса китайской медицины, издание профильного пекинского университета – в основном неважно, но там есть то, о чем нужно подумать.

«Бабье царство» Мишель Маррезе – есть незакрытые и зияющие пробелы в базовых исторических знаниях, а это история России, не какая-нибудь экзотика, стыдно.

Монография по бюрократии Смутного времени. Была одна задумка, в числе прочих десяти тысяч. Неплохая, на три-четыре вечера, которых нет.

«Postwar» Тони Джадта – на другой полке стоит сборник его непрочитанных статей, и вот это уже важно и интересно.

Сборник текстов самого Аввакума: там есть что читать.

Китайские рассказы из «Цзинь гу цигуань». Местами должны быть восхитительны.

Сборник «Святые русского Севера». Знаю, какие главы смотреть сначала. Знаю, с чем сопоставлять. Знаю зачем.

Еще одна переводная биография Дягилева. Одного из важнейших людей в истории России в XX веке, из-за которого мы и по сей день интересны миру.

«Теллурия» Сорокина. Так и не сформулировал, почему неудачна.

Какой-то Рушди. Не осталось непрочитанного важного, но многое уже забылось, а напрасно.

Детская книжка из Эрмитажа. Хорошая, милая. Просто милая.

«Белый уголь» Эренбурга, издание «Прибоя» 1926 года.

Рассказы Моэма. Изломанного прекрасного Моэма.

Важный сборник по современному исламу в Дагестане. В свое время он меня изумил.

Еще один сборник по буддийской иконографии. Незанятный, но полезный.

Сборник документов по восстанию Пугачева, невероятно интересный и совершенно, совершенно не пушкинский.

Мемуары Саввы Ямщикова, по паре мест пробежаться.

Американский сборник по эволюции рабочей одежды. Отличный.

Второстепенный сборник рассказов Каверина, где-то занятный по стилю.

«Русская гражданская война» Эвана Модсли.

Вечные записные книжки Венедикта Ерофеева, которые знаю наизусть.

Фотография отца в рамке. У него не было и сотой части того, что сейчас есть у меня: это всего одна полка из многих десятков метров. Если будет мало и этого, – ну, вы знаете, в сети есть «Библиотека восточной литературы», и одной ее достаточно для сотни жизней любой продолжительности. Есть и другое, оно не хуже, но больше.

ЕСЛИ ВАМ МАЛО КНИГ – ВЫ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ НЕ ПРОЖИВЕТЕ СТОЛЬКО, ЧТОБЫ ПРОСМОТРЕТЬ САМОЕ НЕОБХОДИМОЕ КИНО XX ВЕКА.

Есть множество специальных знаний, которые стократ доступнее всего, что было ранее. Главное, что произошло с нами за последние два десятилетия – именно это: мы были нищие, мы стали уравнены в этом практически бесконечном богатстве, не исключая и богатство материального мира – ведь дело не только в объемах, но и в его разнообразии. Предложите ремесленнику-профессионалу вернуться на четверть века назад: если он увлечен своим делом, он отшатнется от вас, как от убийцы.

И – я молчу о музыке. Нет, я действительно молчу о музыке.

И учтите: почти весь мой интерес поверхностен, я не ученый человек. Но мои чувства такие же, как чувства страстного садовода, которого впервые привезли в Химки в гипермаркет

Оби. Я могу построить все, я могу превратить свои шесть соток в райский сад. Я не Бог, но я Адам в раю.

И наплевать мне на вашего змия. Этого вашего будущего и не должно быть, вот что я хочу сказать этим хвастливым и наивным перечислением. Оно, это будущее, быть может, не так уж и нужно. Настоящее бы сначала прочитать.

3.

Давайте расскажу, чего вы, скорее всего, захотите от будущего, когда наконец получите то, что вам не нужно.

Всякий раз, когда я читаю текст о том, что образ будущего России всегда представляется чем-то пугающим, тяжким, мучительным, я думаю о том, что могло бы быть альтернативой. Ведь дело не в том, что будущее наше пугающе, а, скорее, в том, что, по всеобщему представлению, в определенный момент мы в своей стране свернули не туда. Но, поскольку время анитропно и вернуться назад, как мы уже поняли, на практике затруднительно, – нам вроде бы остается думать только о том, как бы это побыстрее вернуться на основную магистраль, с которой мы съехали сдуру то ли в 1991, то ли в 1996, то ли в 1999, то ли в 2004, а кто-то говорит – и в марте 2014 года, то есть совсем недавно, но как-то очень резко.

В порядке эксперимента я прошу вспомнить, как мы представляли себе это самое светлое будущее в указанные даты.

ДА, НАСТРОЕНИЕ ТОГДА БЫЛО СОВСЕМ ИНЫМ, НЕ ЧЕТА НЫНЕШНЕМУ – У МНОГИХ ИЗ НАС, ГОВОРЯТ, БЫЛИ НАДЕЖДЫ. НО НАСКОЛЬКО СВЕТЛЫЙ ПУТЬ БЫЛ ЯСЕН ТОГДА?

Если бы воображаемое божество вернуло вас, нынешних, в то самое время и сказало бы: «Хорошо, переигрываем, чего ты там хотел, рассказывай, только быстро, мне еще в Шотландию и в Мали сегодня; ну, не томи!» – неужели бы вы, зная все, что случилось потом при повороте направо, осмелились бы просить его свернуть в свое налево?

Нет, по здравому размышлению *post factum* – надо, конечно, было сворачивать налево. Но вспомните, что вы думали именно тогда о том, куда и как мы будем двигаться, какое будущее нам нужно, что мы будем делать и чем будем жить через 10 лет. Право слово, отсутствие будущего преследует нас не последнее десятилетие, а несколько последних веков. Мало того, в этом мы, видимо, самая передовая нация планеты: тот же недуг поразил развитый мир едва ли не пару десятков лет назад, а мы-то с этим отсутствием будущего жили со времен царя Гороха. Недаром любой крупный реформатор в России всегда представлялся инопланетянином, инородным телом, выродком типа Петра, Ивана IV или Александра Освободителя (это вам он отменил крепостное право, а современники знали его в первую очередь как государя, узаконившего крайний и демонстративный разврат, в том числе и личный, – и в некотором роде справедливо поплатившегося за эту дерзость). Сейчас же русский, немец и поляк снова в одном анекдоте – все опасаются конца света, все желают старого доброго до развилки, все в лучшем случае видят хороший сценарий лишь как счастливое и чудесное избавление от опасностей и вызовов силой гуманного духа, но не как уверенное движение вперед.

Даже когда свержение существующего строя и произойдет, вопреки резолюциям Совета безопасности РФ (я полагаю вместе с В. В. Путиным, что оно не будет насильственным, хотя и не уверен, в отличие от него, в том, что альтернатива для страны так уж неприемлема – хотите, рассматривайте как незаконный призыв, но я бы счел это простой констатацией), от этой проблемы не уйти. Россия – страна богатая, в целом почти решившая тот массив проблем, которые всем в XX веке казались первостепенными, наиважнейшими и ключевыми. Понятно, что мы в обозримом будущем решим проблему коррупции, какое бы сопротивление

этому ни оказывалось ее бенефициарами. Понятно, что мы приведем к более или менее пристойному уровню среднее образование (с университетами и научными институтами, боюсь, все много сложнее) и реформируем здравоохранение. Понятно, что проблемы вопиющей бедности, повальной нищеты и прочих социальных ужасов актуальны для России примерно в той же степени, что и голодные смерти. Для того, чтобы всем этим успешно заниматься, стране достаточно всего лишь прекратить массово валять дурака ради продолжения богатого коррупционного банкета еще на какие-то несколько последних месяцев-лет, – и очевидно, что довольно скоро это произойдет, и дай Бог, чтобы это происходило спокойно.

Но когда это произойдет – никто не избавит нас от этой тягостной обязанности сообщить себе, что добиваться лучшего для себя значит иметь в голове какой-то хоть вздорный, хоть кровавый, хоть циничный, но все-таки рациональный образ настоящего желаемого.

А его нет. Сейчас социальная ситуация выглядит комично и даже похабно: несколько миллионов интеллигентов наблюдают за тем, что другим миллионам людей на госслужбе дали то, о чем мечтала она, интеллигенция (то есть образ жизни и достаток верхушки среднего класса), и вопиет о несправедливости. Во-первых, какая такая несправедливость? Вы мечтали о среднем классе в стране – вот он. И не из зависти ли считаете теперь, что они – негодяи, а вы на их месте запускали бы космические корабли в космос и писали бы симфонии? Но немного же симфоний получается, когда вас допускают до госфинансирования, – хотя и больше, чем у этих, но ради этого небольшого прибытка устраивать революцию со всеми ее издержками, видимо, никто не будет. Во-вторых, если приглядеться внимательнее, подавляющее большинство этих самых негодяев на госслужбе – это не зловещие выходцы из подвалов Лубянки, а ваши же товарищи 90-х, мечтавшие взяться за руки, чтобы не пропасть поодиночке. Вот они и взялись за руки, а вас не взяли – а надо было дружить крепче и активнее работать локтями, или же – думать еще 20 лет назад о том, какого качества мечта вами движет.

НАКОНЕЦ, ЕСЛИ В ХОД ИДУТ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ, – ХОРОШО ПРОДУМАННАЯ МЕЧТА ВСЕГДА, БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЙ, НЕ ОСТАВЛЯЕТ НИ ЕДИНОГО ШАНСА АВТОРИТАРИЗМУ.

Обратное тоже верно: в сущности, политическая неуспешность оппозиции в России означает, увы, не столько силу давления, сколько нашу интеллектуальную несостоятельность в изобретении привлекательной альтернативы. Нас не оправдывает то, что ее нет и у соседей – сторонников «русского мира» и прочих идеологических туманностей, которые толком ни продать, ни купить никому в своем уме, а только лицам экзальтированным и душевно нестойким. Нас не оправдывает и то, что у правящего режима мечта выглядит бледно: она есть, и она многих привлекает, и наша обязана ее переиграть, и она для этого должна убеждать хотя бы нас. А она не убеждает.

Но именно в виду этой безнадежности я и рассказывал о том, что я богат, как Крез, – а вы и стократ богаче.

4.

Стране в 90-х и повезло, и не повезло. То, что во всем мире воспринималось как великий информационный взрыв, в России было посвящено исключительно внутренним делам – мы и не заметили, как то, что мир, в который мы вошли в 2000-х, был совсем не тем миром, о котором мы мечтали в 90-х. Он гораздо сложнее и много интереснее – и то, что по прошествии четверти века мы по-прежнему намереваемся строить в России страну образца Западной Европы 1989 года, здорового человека должно было бы расстроить. Разумеется, дико и глупо восстанавливать расстановку полков времен «холодной войны» на саммитах G20, и занятую этим российскую власть показательно секут именно за это, совсем не опасаясь ее ядерного

потенциала и газового влияния. Ради России никто во времена Рональда Рейгана возвращаться не стал бы, даже если бы это было технически возможно, – это уже пройденный этап, мир сейчас живет противостояниями другого вида, другой фактуры и другого уровня сложности.

Но не более умно и предлагать обратное – попытаться построить в России, уже довольно далеко (и не всегда приятно для себя) продвинувшейся по пути «догоняющего развития», восточноевропейскую экономику романтического 1991 года и пытаться встроить ее затем в несуществующую по крайней мере в том виде, в котором она описывается, братскую семью народов ЕС. Прошло четверть века, обсуждение большей части вопросов, которые интересовали мир в 1992 году, давно уже состоялось – если мы и считаем Запад как некое политическое единство существующим (а он сейчас, видимо, существует даже в большей степени, чем два десятилетия назад, хотя и не един в том смысле, в котором его видели единым в Политбюро ЦК КПСС), то это уже другое единство, оно жило и развивалось много лет, не дожидаясь, пока русские соизволят вернуться в него после временной отлучки в дебри национальных проблем.

ВПРОЧЕМ, ИМЕННО СЕЙЧАС И ИЗОБРЕТЕНИЕ БУДУЩЕГО ДЛЯ РОССИИ, И ИНТЕГРАЦИЯ ЭТОГО БУДУЩЕГО В ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ ДАЛИСЬ БЫ НАМНОГО ПРОЩЕ.

Невыносимая, сказочная сложность бытия, доступная нам, когда спадет пелена с глаз, – реальность, с которой сталкивается сейчас весь мир или, по крайней мере, «золотой миллиард», к которому мы имеем честь принадлежать. Новый уровень информационной связности, общедоступность знаний и базовых технологий, транспортная и финансовая революции, сопротивление властных структур и элит изменениям в социальной иерархии, вытекающим из информационного взрыва 90-х, из новой общедоступности знаний, – это то, что делает Россию и условный «Запад» много ближе друг к другу, чем 25 лет назад. К слову, глядя на внутрироссийские проблемы именно под этим углом зрения (и не забывая, что проблемы в России весьма серьезны: мы действительно почти ненароком, сдуру, но все же поставили мир перед угрозой новых больших войн, и это стремительно разрушает доверие не столько к элитам в России, сколько ко всей России, не желающей противодействовать своим элитам в этом вопросе), избавляясь от иллюзий четвертьвековой давности, – придумывать будущее проще. Ведь все, кто в этом мире нас действительно интересуют, так же неожиданно разбогатели, как и мы, и испытывают схожие проблемы с конструированием будущего. Для Запада «догоняющее развитие» неактуально, поскольку некого догонять. Для России оно неактуально, поскольку уже сейчас понятно: отчасти это бессмысленно, а отчасти не нужно, ибо уже произошло. А следовательно, нужно что-то другое – и там, и тут, и мы вполне можем думать об этом не как часть «мыслящей России», а как часть мыслящего мира. Зачем вам русский паспорт в голове? Разве у ваших книжных полок есть национальность? У моих, как видите, нет.

Для того, чтобы избавляться от этой боязни будущего, нужно по крайней мере перестать заикливаться на России и начать жить в мире, интересуясь его современным состоянием: он здорово изменился, пока мы зарабатывали себе на большой белый джип. Впрочем, не все потеряно – об этом уже многое написано, и на наш век хватит этого чтения, и есть еще время до вечно откладывающегося конца света об этом хорошо поразмышлять.

InLiberty

Учение о диктатуре ЖЭКа

28 сентября 2012

Держать в уме рабочую модель того, с чем собираешься бороться или, по крайней мере, того, чему намерен оппонировать, всегда полезно. Эпидемиологу, обнаружившему на месте предполагаемой эпидемии грандиозный коллективный запой, легко – но горе врачу, который, не щадя времени и здоровья, рискуя жизнью, пятые сутки в полевых условиях ищет возбудитель загадочной хвори, легко определяющейся по характерному запаху в дыхании страдальцев, читает в растерянности немецких авторов, изучавших тропические лихорадки, ломает глаза над микроскопом, ищет различия в симптомах, прописывает больным хину и постельный режим. Наконец, душа не выдерживает, из саквояжа достается бутылка французского коньяка, ночь над книгами пролетает быстрее, керосин сам заканчивается в лампе – и наутро доктор понимает: загадочная инфекция сразила и его самого. В деревне неграмотные крестьяне пытаются, дураки, лечить грозные симптомы картофельным самогоном – ну, какое тут просвещение, Бог мой. Prosit.

Возможно, некоторые мои соображения по поводу природы наблюдаемой в политической реальности фантазмагии помогут формированию той самой рабочей модели «режима» или, если хотите, «системы», которая «прогнила сверху донизу» и которую «пора менять», пока она нас всех не упромыслила. С моей точки зрения, в этом месте сообщество активно рефлексирующих над недостатками правящего режима имеет некоторый набор возможно и верных в том или ином смысле, но крайне неудобных в работе и несовершенных моделей, дающих сбой на самом интересном месте. Например, представление о действующей российской власти как о бодрой и циничной, все прекрасно осознающей клептократии то и дело натывается на неудобные факты. Например, с упорством, достойным лучшего применения, эта клептократия, в рамках нашей модели плевать хотевшая на любое общественное недовольство, инициирует внутри себя антикоррупционные кампании, причем пусть и с низкой, но явно ненулевой эффективностью. Как хотите, а профессионалы-карманники, раз в полгода по своей воле предлагающие полиции расставлять в трамваях видеокамеры или вооружать кондукторов, – это логическая проблема. Конечно, мы уже давно научились снимать все подобные несоответствия в отношении Владимира Путина и иже с ним излюбленным способом средневековых аналитиков-бенедиктинцев – указанием на дьявола, который там за спиной (в российской реальности в роли коллективного нечистого выступает КГБ СССР и его реинкарнации). Но даже бенедиктинцы пытались изучать руководящий состав адовых сил, взаимоотношения князя неправды с прямыми подчиненными и его логику, привычки, повадки – например, много времени было потрачено на то, чтобы определить, глуп ли почти всемогущественный при этом сатана или же он большой интеллектual, но стеснен в действиях вышестоящей инстанцией. В российской реальности до этих споров доходили редко, достаточно того, что режим авторитарен (есть также особое мнение, что тоталитарен похуже Сталина, и лучшее в его ассортименте придумок нас еще ждет), репрессивен (массовые репрессии впереди и по сути неизбежны), рефлексивен и склонен к размышлениям о том, как творить зло более эффективно (от запрета Интернета нас спасает только желание таинственных архонтов ФСБ сделать это разом и надежнее), и абсолютно бездуховен. Последнее исключительно важно – каких-либо идеалов, ценностей, воззрений, которые защищают эти люди и на которые можно было смотреть без изумления любому разумному человеку, там быть не может.

Не вдаваясь в эту увлекательную по-своему схоластику, я бы предложил другую – пусть и негероическую, но, с моей точки зрения, чуть более операциональную модель противника. Представим себе, что российская власть есть не скованный маммоной с ее миллиардами дол-

ларов и яхтами конгломерат прохиндеев, а явление, хорошо и печально известное любому городскому жителю. А именно, жилищно-эксплуатационную контору, говоря проще – ЖЭК.

Следует, конечно, сразу оговориться – если бы лично мне предложили на выбор: противостоять банде уголовников или ЖЭКу, я бы без всяких колебаний выбрал первое.

ТРАДИЦИОННЫЙ СОВЕТСКИЙ ЖЭК ЕСТЬ ЯВЛЕНИЕ, НЕДООЦЕНИВАЕМОЕ ОБЩЕСТВОМ, – ЭТО СТРУКТУРА МНОГО БОЛЕЕ ОПАСНАЯ.

Никакому бандиту не под силу тот кошмар, в который без видимого усилия, левой пяткой, может превратить существование домохозяйства даже не очень злонамеренный управдом. К тому же ЖЭК есть структура, почти идеально приспособленная для обороны и защищенная от любых попыток на нее воздействовать извне: многие поколения советских людей пытались противостоять этому явлению, потратили на это значительную часть жизни, а многие – и сломали себе жизни в борьбе с этим монстром. Жертв агрессии ЖЭКа в СССР вообще было показательно больше, чем жертв КГБ. Тем не менее, в своих базовых началах ЖЭК – феномен иной природы, нежели тирания плохо видимого союза олигархии и силовиков, нежели диктатура особого класса над остальными классами, нежели филиал мирового тайного правительства и нежели банда злонамеренных кретинов, по необъяснимому капризу истории владычествующая над вполне себе приличным европейским народом.

Я полагаю, что метафора действующей российской власти как ЖЭКа, разросшегося в силу обстоятельств в жилищно-эксплуатационную вертикаль власти, возможна и в силу истории этой власти. Говоря о ренессансе советских порядков в текущей реальности, мы лишь констатируем: реформы первого десятилетия российской власти были достаточно локальны, а распад действовавшей советской системы взаимоотношений власти и общества не был столь всеобщим, как это принято считать. Например, «путинское большинство», существовавшее в каком-то виде в 2003—2010 годах в российском обществе (сейчас, во второй половине 2012 года, я полагаю, его уже не существует – как не существует и оппозиционного большинства, есть вакуум власти между двумя меньшинствами – провластным и оппозиционным), вполне можно считать нераспавшимся по существу советским большинством голосующих за кандидата единого блока коммунистов и беспартийных: в России оно лишь в один момент, на выборах 1996 года, было близко к исчезновению, но известными стараниями этот момент был пройден и к 1999 году все пришло к норме – большинству за власть. То же самое, по моему мнению, произошло и собственно с властью: распад, где-то значительно ускорявшийся реформами, где-то идущий своим чередом, разрушил большую часть советской властной ткани. Институциональное строительство в новых условиях где могло заполнить прорехи новым материалом, качество которого можно обсуждать, но не сейчас: важно, что распад практически не затронул «эксплуатирующую» ветвь власти – вертикаль ответственных за рядовое, повседневное функционирование государственного аппарата, управляющих за «материальную» ее составляющую: недвижимость, трубы, дороги, подстанции, кабельные колодцы, канализацию, вентиляцию.

Было бы глупо говорить, что это плохо: самораспустившийся ЖЭК – угроза жизни много большая, нежели деградировавшее областное законодательное собрание или спившийся губернатор. Любовь населения к «крепким хозяйственникам», в большинстве своем выживавшим в любое политическое волнение последних 20 лет, во многом должна была бы поумерить презрение к ним оппозиции, поскольку населением здесь движет банальный здравый смысл: если выбирать между свободой слова и электричеством, то осудить выбирающего электричество может только очень большой вольнолюбвец. Действующая же сейчас в России власть с ее «прагматизмом», «экономоцентризмом», стремлением к «диктатуре права» в специфическом понимании сотрудника ЖЭКа (право есть обязательная к исполнению письменная

инструкция прямого действия по всем возможным вопросам человеческой деятельности – бытие, не предназначенное к урегулированию законами, не существует) – это в основном то, что осталось нам в наследие от советской реальности. Это, на мой взгляд, не новообразование (во всяком случае, не «раковая опухоль»), а органическая часть прошлого. Большая часть других составляющих советской власти была или ампутирована (как, например, цельная советско-коммунистическая идеология, армия как социальный институт и как орудие внешней и внутренней политики, политическая полиция, система централизованного экономического планирования), или атрофировалась лишь с частичным замещением новыми элементами (специфическая образовательная система и система подготовки управленческих кадров, федеральное правительство и министерства, торговля и логистика, управление промышленностью и трудовыми ресурсами). Хозяйственная же инфраструктура хоть и обветшала изрядно, но осталась работоспособной: остался почти в полном одиночестве ЖЭК, на которого вся окружающая реальность, как он ее понимал, и свалилась в качестве предмета исключительного ведения. Там, где ранее управление осуществляли ответственный партийный работник, военком, чекист, генеральный директор, главврач, академик и завхоз, остался по существу один завхоз. Схватившись за голову в 1999 году, персонал ЖЭКа начал лихорадочно восстанавливать всю реальность – с результатом этого мы, по моему разумению, в каком-то смысле и имеем дело.

Я развиваю эту метафору не для того, чтобы обидеть кого-нибудь во власти, будь это Владимир Путин, Дмитрий Медведев или любой другой представитель властной элиты.

ОНИ, СЛАВА БОГУ, ЭТО ЧИТАТЬ НЕ БУДУТ, ИМ БЫ ИВАНА ИЛЬИНА ДОЧИТАТЬ, ЧТО ИМ ЭТИ МЕТАФОРЫ.

Но из соображения «российская власть есть гипертрофированный ЖЭК» вытекают некоторые, кажется, полезные следствия.

В первую очередь, в большинстве случаев достаточно бессмысленно противостояние действующей власти в поле идеологий. Как и многое другое, текущая идеология российской власти не рассматривается ею как что-то необходимое с точки зрения логики ее работы. ЖЭК в 2001—2002 годах помнил, что на месте, где с 1999 года зияла изрядная прореха (в 1991—1997 годах там шел процесс замещения одной идеологии другой, но крайне неактивный, в отличие от распада старой ткани), должно быть что-то. В отличие от фановых труб и разбитого изолятора на столбе, этому слишком большого значения не придавалось, поэтому все, что лепилось поверх второстепенными сотрудниками из подручного материала при дефиците любых ресурсов, всегда выглядело и выглядит неубедительно. Для текущей власти это поле, в сущности, неважно: какая разница, есть ли у «Единой России» план, годится и состоящий по существу из одного заголовка «план Путина», и так сойдет. Это на порядок менее важно, чем дело жизни – бесперебойное функционирование домашнего хозяйства.

Практически во всех секторах реальности мы можем наблюдать эту характерную небрежность ЖЭКа в воссоздании полной «картины власти». Возьмите кинематограф: для советской реальности столь халатное отношение к важнейшему из искусств после цирка было невозможно, это одно из важнейших направлений работы. Но по существу действующую российскую власть занимает только то, что при существовании СССР было пусть и важным, но в основном фоновым, то, что было вертикалью ЖЭКа и тогда. Кроме того, управдом, восстанавливающий почти без чертежей, по фотографиям и по интуиции, пионерскую организацию, тюрьму или молочную кухню, в любом случае будет делать это так, как принято в системе жилищно-коммунального хозяйства; главным во всех этих институтах будет не вера детей в заветы нового Ильича, не крепость запоров и не поддержка работающих женщин, а трубы и другие матресурсы, шизофренически подробная отчетность (иначе всех посадят! – Кто? –

Неважно, за это сажают!), график строительных работ и непьющий бригадир, пусть и нерусский, неважно. Сущность воссоздаваемого института для откомандированного на стройку сотрудника ЖЭКа второстепенна, технологии же практически всегда заимствуются из подвала домоуправления – восстанавливается ли Русская православная церковь, Академия наук, консерватория или система подготовки олимпийского резерва. В этом – существенная слабость действующего режима: во многом восстанавливаемые им институты немощны именно в силу откровенного непонимания ЖЭКом того, что детский сад – это не просто отдельно стоящее здание, оборудованное инвентарем, транспортом, снабжением и персоналом для содержания в нем детей.

Еще одно вполне важное следствие природы действующего политического режима – это прогнозирование его приоритетов. Чем дальше от «инфраструктуры» угрожающее ему явление и чем меньше оно похоже на старую советскую полическую ткань – тем меньше к происходящему внимания. Есть вещи, в реальности для ЖЭКа не существующие. Например, я совершенно уверен в том, что протестную активность 2011—2012 годов большинство в российской власти считает проблемой именно в терминах «возмущения общественного порядка», но не «угрозы властной монополии» и т. п. Опасность видится именно в «беспорядках», в «неуправляемости», «стихийности» – стихия есть главный оппонент коммунального сотрудника: дождь, ржавчина, крысы, тараканы, холод. В целом для ЖЭКа характерна и деперсонализация угрозы. В сущности, считают там, проблема не в Навальном, не в Удальцове, не в Чириковой – нам противостоит хаос, а хаос всегда бесцелен. Думаю, именно в этой логике произведены аресты по «болотному делу», в этой логике производится борьба с инакомыслием, с НКО – что толку ловить отдельных крыс, нужно либо ловить первых высунувшихся, либо заниматься системной дератизацией – абсолютно неважно, как у них там все это устроено, и уж точно нет смысла изучать облака, проливающиеся дождем: закупаем толь, гудрон и листовую жесть, а тому, кто пытается хотя бы рассматривать облака, вызываем психиатрическую неотложку – товарищи врачи, сделайте что-нибудь, он у нас с тучами разговаривает, перетрудился.

Не должны дезориентировать и некоторые нововведения в системе управления народным хозяйством, вводимые ЖЭКом с некоторым трепетом и большими надеждами. Управдомы отнюдь не чужды прогрессу и неплохо понимают выгоды от замены устаревшей наружной проводки. Да и в целом, уверен, ЖЭК с пиететом относится к своей работе и полагает основной своей задачей именно управление жилищно-коммунальным хозяйством, а все остальное – некоторой необходимой областью занятий, которую было бы, конечно, неплохо передать куда-нибудь на аутсорсинг или даже на самоуправление, если риски не слишком велики, а мороки с этим много. Главное в этих секторах – контроль, а не управление: задача ЖЭКа в масштабах всей России – тепло, свет, вода, канализация, в общем, «экономика». Думаю, отсюда и специфическое отношение к экономическим вопросам как таковым: действующий властный режим воспринимает ее не как что-то важное, а как техническое обеспечение системы трубопроводов на вход и выход, остальное жильцы разведут сами под присмотром опытных специалистов.

Еще один момент – скорость и последовательность реагирования на угрозы.

ЖЭК ВСЕГДА СУЩЕСТВОВАЛ И СУЩЕСТВУЕТ В РЕЖИМЕ РЕЗКО ОГРАНИЧЕННЫХ РЕСУРСОВ, ПРИВЫКНУТЬ К ТОМУ, ЧТО В ЕГО РАСПОРЯЖЕНИИ В КАКОМ-ЛИБО СЕКТОРЕ МОЖЕТ НАХОДИТЬСЯ ИЗБЫТОК РЕСУРСОВ, УПРАВДОМ НЕ В СИЛАХ.

Обеспечение чего угодно чем угодно всегда в принципе недостаточно, тарифы всегда малы, а потребление всегда нерационально и избыточно, чего бы это ни касалось – телепередачи, социального обеспечения, спортивных сооружений или святости. Кроме того, ЖЭК – организация весьма неспешная, приоритеты в его функционировании расставлены так, что

лишь угрозы в основной сфере ведения способны подвигнуть его на аврал. Со всем остальным ЖЭК взаимодействует по графику: забор мы будем ремонтировать в 2017 году, а до серьезного ограничения политической активности студенчества дойдем в третьем квартале 2013 года. У этого есть не самое приятное следствие: с большой вероятностью, некоторые меры реагирования на происходившее, например, в июле 2012 года, уже определены, но улита едет небыстро – возможно, Вашу организацию уже ликвидировали в принципе, но решение об этом система, функционирующая в таком темпе, исполнит лишь через полгода. Временные лаги есть понятие, незаслуженно игнорируемое школьным образованием, – протестное движение с яростью и недоумением ищет и не находит в текущей реальности причины, вызвавшие то или иное регуляторное решение российской власти, тогда как в большинстве случаев конкретный выстрел предназначался танку, который давно уже уехал с позиции в соседнюю деревню, а то, что на этом месте уже полгода как кафе, ЖЭК совершенно не интересуется. Быстрее и лучше всего система идентифицирует непосредственные «физические» угрозы – именно поэтому российские власти более беспокоят нацболы и вообще радикалы, теоретически способные взорвать что-нибудь безобидное, вроде новодельного памятника забытому самодержцу, или даже попытаться захватить что-то в сущности никому не важное, вроде собеса. Из этого не следует, что радикалы действительно более опасны для Владимира Путина, – просто гипертрофированный ЖЭК в силу своего генезиса и структуры идентифицирует такого рода действия лучше, чем много более опасные для него, но не выглядящие как физический «терроризм». Pussy Riot в этой логике виновны прежде всего тем, что проникли со своим выступлением на центральный режимный объект инфраструктуры российской духовности – а уж феминистки они там, панки или анархистки – дело десятое. С точки зрения сотрудника «большого ЖЭКа», механизм функционирования общества вообще непостижим, но в системе обеспечения всеобщей безопасности есть ключевые узлы и механизмы, определяемые по формальным признакам: все центральное функционирует в особом режиме, трубу мы починим, а вот с бойлерной – не факт, что справимся, поэтому фигура патриарха священна, как священны, например, Великая Отечественная война – главный узел восстановленной из подручного материала идеологии, как священным является пенсионный возраст, прописка по месту жительства и фигура Бориса Ельцина. Вычислить «священные зоны» с точки зрения здравого смысла, на самом деле, невозможно – зато с точки зрения, например, сантехника, представляющего мир как систему труб, очень даже просто.

Наконец, наиболее важное: общение ЖЭКа и граждан с точки зрения ЖЭКа не может быть равноправным в принципе. ЖЭК может в ряде случаев добровольно снисходить до общения, ЖЭК в силу своего устройства не может не реагировать на сигналы граждан, характер его реагирования не зависит от того, как видит эту реакцию гражданин. В известном смысле, российская власть как «большой ЖЭК» неспособна в принципе взаимодействовать с российским населением как с совокупностью граждан: она не только не видит никаких коллективных общностей, для нее, в сущности, не существует и отдельного гражданина, поскольку в административной логике гражданин есть выпускаемый из пространства сигнал о нарушении в каком-либо месте привычного порядка вещей. Смешно искать в сигнале информацию о том, как исправлять нарушившийся порядок, – это написано в инструкции (которую, возможно, еще предстоит создать), во всяком случае, что там гражданин думает о том, как нам реорганизовать Рабкрин, не имеет никакого значения – если бы он действительно знал что-то про Рабкрин, он бы в этом Рабкрине работал. Неинтегрированное взаимодействие с ЖЭКом возможно только на уровне сигналов, входящих и исходящих писем – содержательное обсуждение каких-либо неполадок в доме возможно только внутри ЖЭКа, на его территории. Как раз с этим я связываю лихорадочный поиск российской властью форм именно интегрированного взаимодействия с обществом в последние месяцы: пусть это будет общественный совет, пусть открытое правительство, лишь бы это было внутри. Допущение жильцов в дела ЖЭКа – катастрофа. Да они ведь,

в сущности, и сами совершенно не заинтересованы в том, чтобы разбираться во всей этой бухгалтерии и рытье канав, – у них что, свободного времени много, что ли? Им за это платят? Шли бы себе варить борщ и чинить «Москвич». Если надо свеклы, то мы скажем, чтобы завезли в овощной. Не уходят – ну, точно, им за это платят.

О коррупции в этом разрезе говорить не приходится. В ЖЭКе воруют. Понятно, до какого предела воруют – столько, чтобы коммунальное хозяйство не разваливалось, был свет, вода, канализация. Остальное – в квартире директора ЖЭКа всегда хороший кафель, иначе труды на галерах не окупаются. Он при этом совсем не претендует на вашу квартиру и даже на подъезд, хотя и мог бы – но сколько он там наэкономил, то не ваше собачье дело. Говорите, 26 дворцов, Ротенберги и Ковальчуки? А у вас вот в подъезде свет есть? Лампочки в следующем квартале вкрутим поярче и покрасим. Будете лаяться – все отключим к чертям. И не лезьте не в свое дело – свет, повторяю, есть? Светло, говорю? Вот и хорошо. Аналогии можно продолжать, но принцип, я полагаю, понятен. На деле, это много более страшная картина, чем любой «авторитарный режим» в классическом описании, поскольку единственное, что ЖЭК может делать более или менее хорошо, – это именно что заниматься коммунальной инфраструктурой, распространением ее через доктрины «экономоцентризма», «технократии» и «неполитического правительства» в смежные сектора реальности. Это, разумеется, не катастрофа, но очень большая проблема. Во-первых, при расходовании сколь угодно количества нефтедолларов реальность не исчерпывается метлой и лопатой – социальный характер оппозиционного движения связан не только с тем, что вода в батареях у отдельных жильцов недостаточно горяча. Во-вторых, логика взаимодействия власти и общества будет еще довольно долго сводиться к противостоянию ежей радиоволнам: несмотря на то, что ЖЭК что-то отвечает жильцам и даже матерится и машет папкой, полноценного общения друг с другом ждать не приходится.

В-ТРЕТЬИХ, РАЗРУШЕНИЕ ЖЭКА ЕСТЬ ДЕЙСТВИЕ, КОТОРОЕ ВРЯД ЛИ ХОЧЕТСЯ КОМУ-ТО РЕКОМЕНДОВАТЬ: ХОЛОД, ТЕМНОТА И ДИЗЕНТЕРИЯ – ВПОЛНЕ РЕАЛЬНЫ.

Но есть и положительные моменты. ЖЭК, вопреки всем своим претензиям на всесильность, – всего лишь жилищно-эксплуатационная контора, и он об этом если и не знает, то во всяком случае догадывается, хотя это ему и не нравится. ЖЭК – установление архаичное, за пределами России практика показала возможность его функционирования без попыток стать единственной реальностью.

В ЖЭКе неспособны сколько-нибудь достоверно прогнозировать что-то дальше ближайшего отопительного сезона: анализ реальности в терминах неоштукатуренных стен и невыкопанных теплотрасс изрядно ограничивает. Наконец, ЖЭК, несмотря на хтонический запах тушеной капусты, бессмысленное равнодушие операторов и смертную логику инструкций, разъясняющих циркуляр об уточнении положения о порядке применения, – не более чем контора. Это не армия сатаны, не заговор дураков против людей доброй воли, не партнерство лихих людей по ограблению и убиению всех доступных ближних, не паучьи тенета и не вековое проклятие – это просто ЖЭК. Никакой мистики – с этим можно работать. Я не настаиваю на том, что ЖЭК нельзя урезонить демонстрациями, воссозданием политической системы, заполнением лакун в общественном полотне более или менее прочными участками, наконец, ликвидацией всего понастроенного управдомами вне пределов их компетенции (а это тоже, конечно, нужно). Я всего лишь призываю не оперировать штампами о «победе демократии путем мирного протеста». Эти формулы во многом являются зеркальным отражением соответствующих формул власти – а без самостоятельных попыток анализа происходящего, с навязанной с той стороны парадигмой рассуждений рассчитывать на что-то путное самонадеянно. В этой игре власть, несмотря на всю свою слабость, всегда будет сильнее. Бог с ней, с метафо-

рой ЖЭКа: выиграет тот, чья рабочая модель реальности совершеннее. Сейчас она совершеннее, несмотря на все недостатки, не у нас.

К тому же, в России именно в связи с ЖЭКа́ми наработанный опыт сопротивления весьма и весьма слаб. Я действительно не знаю, как победить ЖЭК, – если бы это была банальная тирания КГБ, все было бы, видимо, значительно проще.

InLiberty

Трельяж

12 декабря 2014

Трельяж – в такой степени обычный предмет советского быта, что из этих трех вертикальных зеркал на простейшей тумбочке вдумчивое дитя делает себе что угодно. Например, немного поиграв положением зеркал друг к другу, оно откроет идеи бесконечности, близнецов, сартровского другого, сходящегося предела. Впрочем, как раз в моем детстве трельяж был предметом не семейным – я исследовал его вечерами у бабки с дедом, и для меня он был обиталищем Клио, музы истории.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.